

Обсудив планы на завтра, госпожа Фан из клана Юнь и Фан Цзя, не успев даже пообедать, вернулись домой собирать вещи и готовить экипаж.

На следующее утро Дуань Минчэнь, ведя под уздцы своего любимого коня Тёмную Тучу в Снегах, постучал в дверь соседнего дома Гу Хуайцина.

Услышав стук, Гу Хуайцин тут же отозвался и вышел, ведя своего белого скакуна.

Не сговариваясь, оба — и Дуань Минчэнь, и Гу Хуайцин — были одеты в рубашки с круглым воротником. Этот фасон с разрезами по бокам пол, унаследованный со времён династии Тан, простой и удобный для верховой езды, был чрезвычайно популярен как среди учёных, так и среди простолюдинов.

Гу Хуайцин рванул вперёд первым. Его стройная фигура напоминала изящный бамбук, а мягкий весенний ветерок развеивал полы его одеяний — вид поистине пленительный, достойный прекрасного юноши.

Дуань Минчэнь слегка улыбнулся, ласково хлопнул коня по шее, и Тёмная Туча в Снегах, словно угадав мысли хозяина, громко заржала и помчалась вдогонку.

Двое мужчин поехали рядом: один — крепкий и статный в нарядной синей рубахе, другой — невероятно красивый в ослепительно белых одеждах. Их не могли не заметить, и многие прохожие провожали их восхищёнными взглядами.

Не прошло и времени, за которое стораёт одна благовонная палочка, как они добрались до усадьбы семьи Фан при Управлении передач.

Фан Юань занимал должность левого советника в Управлении передач, что соответствовало пятому рангу. В столице такой чин значительным не считался, однако семья Фан из поколения в поколение была учёной, и многие её представители — как по прямой, так и по боковым линиям — успешно сдавали государственные экзамены и поступали в Академию Ханьлинь, что делало их редким образцом уважаемого и благородного рода.

У ворот усадьбы стояла повозка, гружёная пожитками Фан Цзя — в основном книгами, но также одеждой и утварью.

Фан Цзя, не в силах совладать с волнением, встал ещё затемно, рано попрощался с родителями, собрал вещи и теперь ждал у входа, с нетерпением вглядываясь вдаль в ожидании Дуань Минчэня.

— Двоюродный брат! Брат Гу! — наконец увидев долгожданных гостей, Фан Цзя радостно крикнул. — Наконец-то вы приехали!

Поскольку он отправлялся в академию, одежда его была весьма торжественной. На голове — головная повязка, завязанная на лбу, с концами, ниспадающими на спину. На нём — белая шэньи, обычное одеяние учёного, с чёрной отделкой по воротнику, манжетам и подолу, подпоясанная широким поясом с белой каймой. Широкие рукава развеивались на ветру, полы одеяния достигали щиколоток, а на ногах были простые туфли с загнутыми носками.

Происхождение шэньи уходит в глубокую древность; говорят, это одеяние древних мудрецов. Знаменитый конфуцианский учёный Чжу Си восстановил его по описаниям в «Книге ритуалов», поэтому его также называют «шэньи Чжу Си». Благодаря своему особому значению, оно высоко ценится конфуцианцами.

Одежда и впрямь меняет человека. Обычно резвый и непоседливый Фан Цзя, облачившись в шэньи, приобрёл налёт учтивой элегантности. Не будь на его лице этой дурашливой улыбки — смотрелся бы настоящим прекрасным и воспитанным юным книжником.

Дуань Минчэнь спешился и сказал:

— Прости, что заставил ждать, двоюродный брат.

Гу Хуайцин же оглядел его с ног до головы и, поглаживая подбородок, одобрительно кивнул:

— Хм, наряд хорош. Наконец-то смахиваешь на учёного мужа.

Фан Цзя покраснел от похвалы и смущённо ухмыльнулся:

— Ну... вообще-то я не люблю одеваться так официально, но отец говорит, в академии все так ходят...

Дуань Минчэнь поспешил прервать его:

— Всё готово?

Фан Цзя кивнул:

— Готово.

— Не хочешь ещё раз попрощаться с отцом и матерью?

— Нет, не надо! — Фан Цзя замахал руками. — А то мать опять расплачется, я её еле успокоил.

— Тогда садись на коня, в путь!

По задумке госпожи Фан, сын должен был ехать в повозке. Но Фан Цзя, увидев, что Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин едут верхом, ни за что не соглашался трястись взаперти. Управляющий, не в силах его переубедить, подвёл ему коня, а повозку отправил следовать сзади.

От столицы до Пика Письменной Кисти было меньше ста ли. Дорога шла по широкому и ровному казённому тракту, а по сторонам открывался приятный вид: бескрайние изумрудные поля пшеницы, кое-где усеянные цветущими персиковыми деревьями.

День выдался ясным, солнце светило ярко — самое время для весенней прогулки. Время от времени им встречались экипажи, выехавшие на пикник; в некоторых сидели девушки из глубин женских покоев, отважившиеся на совместную вылазку. Самые смелые даже приподнимали занавески и, краснея, украдкой разглядывали трёх столь разных, но одинаково видных молодых людей.

Увы, трое эти были ветра в поле не сеяли. Дуань Минчэнь сохранял полную сосредоточенность, Гу Хуайцин от природы был в таких делах неповоротлив, а Фан Цзя был ещё слишком юн и мог только без умолку болтать. Сначала Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин ещё перекидывались с ним словами, но очень скоро поняли, что подросток говорит не просто много, а очень много, и к тому же питает слабость к сплетням, так что отбиваться от его вопросов стало в тягость.

Первым не выдержал Дуань Минчэнь. Он пришпорил коня и ускакал вперёд, оставив Фан Цзя любоваться своим затылком.

Тот скорчил рожу, но не унялся и принялся донимать Гу Хуайцина:

— Брат Гу, а вы с двоюродным братом как познакомились? Почему вы так близки?

Гу Хуайцина его болтовня уже начинала раздражать, и он ответил рассеянно:

— Так, сошлись характерами.

— Странно... Мой двоюродный брат холоден как лёд, упрям как камень, скучен и романтики в нём ни на грош. Что ты в нём нашёл?

Гу Хуайцин, хоть и был не слишком прозорлив, почуял в вопросе неладное:

— Что значит «нашёл»?

— А разве нет? — Фан Цзя понизил голос и многозначительно подмигнул. — Вчера в доме Дуаней я своими глазами видел, как ты выходил из его спальни!

Так, значит, той ночью он спал в комнате Дуань Минчэня. Но Гу Хуайцин не видел в этом ничего особенного и спокойно парировал:

— Ну и что с того?

Фан Цзя прищпорил коня, приблизился и с хитрой ухмылкой сказал:

— Эй, зачем скрывать? Разве «разрезанные рукава» и «разделённый персик» — не о том? Пусть я и молод, но кое-что о любви мужчин слышал!

Что означали «разрезанные рукава» и «разделённый персик», Гу Хуайцин, конечно, знал. Неужели Фан Цзя заподозрил его с Дуань Минчэнем в такой связи? Гу Хуайцин остолбенел.

Фан Цзя же воспринял его молчание как подтверждение догадок и тихонько рассмеялся:

— Да ничего в этом страшного нет! Романтические истории в Академии Ханьлинь — дело испокон веков известное. Говорят, нынешние чжуаньюань и таньхуа — вообще пара!

— Правда? — Гу Хуайцин от удивления глаза округлил.

— Ещё какая! Их история в Академии Цзиньцзян у всех на устах. Говорят, неразлучны они, вместе встают и спать ложатся. Ни один наставник, ни один однокашник о том не ведают? Ведают, ещё как! Не только сердцами сошлись, но и на одном экзамене блистали — настоящая романтическая легенда!

Гу Хуайцин видел и чжуаньюаня, и таньхуа. Вспомнив, подумал: оба — личности выдающиеся, вместе стоят — словно весенний цветок и осенняя луна, и правда хорошо смотрятся. И мысль эта уже не казалась ему такой уж дикой.

Разговор Гу Хуайцина и Фан Цзя не укрылся от ушей Дуань Минчэня. Он намеренно не прерывал его, желая проверить, как Гу Хуайцин отнесётся к теме любви между мужчинами. Тот, хоть и удивился, но не выказал ни пренебрежения, ни отвращения. В душе Дуань Минчэнь обрадовался: похоже, если правильно подойти к делу, его чаяния не так уж и несбыточны.

— Мой двоюродный брат... — Фан Цзя собрался было продолжить расспросы, но Дуань Минчэнь кстати прокашлялся.

— Фан Цзя, ты полдня языком молот, не сохнет ли? — Без лишних слов он откупорил кожаный бурдюк с водой и сунул его Фан Цзя в рот, положив конец его трепотне. — В голове у тебя, юнца, одни пустяки да вздор. Запомни: в академии учишься как следует. Смотри не перенимай дурных привычек, а не то пожалуйся отцу. Понял?

Дуань Минчэнь нахмурился и отчитал его со всей серьёзностью.

Фан Цзя всё же побаивался отца. Фан Юань был отцом строгим, и с детства за любую провинность сын знал тяжёлую родительскую длань. Фан Цзя, хоть и был сорвиголовкой, отца побаивался искренне. Он недовольно прикусил язык, зная, что двоюродный брат слов на ветер не бросает. Вот ведь, Гвардия в парчовых халатах — беспощадные люди, им бы только карать, а не жену себе найти!

Впрочем, с таким болтуном, как Фан Цзя, в пути скучно не было. Полдня — и они добрались до подножия Пика Письменной Кисти.

Пик Письменной Кисти, как и следует из названия, издали напоминал устремлённую в небо кисть. Вблизи же открывался суровый горный пейзаж: нагромождение острых скал, вершины, тонущие в облаках, а с высоты в сотню чжан низвергался водопад, чьи воды в долине собирались в озеро цвета молодой листвы.

Академия Цзиньцзян была построена на склоне Пика Письменной Кисти, у подножия естественной каменной арки, что служила ей воротами. Расположение — у горы, у воды — было превосходным с точки зрения фэншуй. Внутри росли древние деревья, извилистые тропинки вели в глубь садов, были тут и пруды с лотосами, и павильоны, и беседки на воде — настоящее райское место.

<http://bllate.org/book/16283/1467019>